

работы с большевиками. Такие, как Мышлаевский, будут хорошо служить и в Красной Армии, певец Шервинский найдет благодарную аудиторию, а Николка, наверное, будет учиться.

Список использованной литературы

1 Булгаков, М. А. Дни Турбиных / М. А. Булгаков // Собр. соч.: в 3 т. – М. : Худож. лит., 1990. – Т. 3. – С. 7 – 76.

2 Варламов, А. Н. Булгаков [Электронный ресурс] / А. Н. Варламов. – Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/varlamov_aleksey_nikolaevich/bulgakov. – Дата доступа: 26.04.2012.

3 Соколов, Б. В. Булгаковская энциклопедия / Соколов, Б. В. – М.: Локид; Миф., 1998. – 592 с.

УДК 821.161.1 – 31*Гоголь:398.47

Н. В. Романькова

Научн. руковод. – Л. Л. Ермакова, к.ф.н., доцент

ОБРАЗ ВЕДЬМЫ В РАНИХ ПОВЕСТЯХ Н. В. ГОГОЛЯ

В данной работе рассмотрен образ ведьмы в повестях Н. В. Гоголя раннего периода творчества. Цель исследования – выявление соотношения человеческих и демонических черт, а также соответствия художественного образа народным верованиям и представлениям о сверхъестественном. В результате установлено, что автор опирается на аутентичные образцы народной мифологии, а балансировка между проявлениями человеческого и демонического в образе гоголевской ведьмы способствует созданию романтического «двоемирия».

Андрей Белый в своей книге «Мастерство Гоголя» отмечает, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в «Вие» изображение быта украинских крестьян и казаков обильно «вспоено ладом украинских думок, столь изученных Гоголем» [1, с. 13]. В этих произведениях центральным является культ народных преданий, верований, сказок, быличек, легенд, в атмосфере которых вырос писатель. Проникая в глубины народного сознания, автор сталкивает мир реальный и мифологический. Романтизм с его поэтикой «двоемирия», где серому миру повседневности противопоставляется мир прекрасного, возвышенного, мир фантазии и воображения, оказался необыкновенно

близок Гоголю, потому что мир народной мифологии также таинственен, притягателен и не познан до конца. Гоголевская фантастика построена на представлении о двух противоположных началах – добре и зле, божеском и дьявольском (как и в народном творчестве). Создавая собственную мифическую реальность, писатель использует готовые образцы мифологии, в частности славянской. «Параллель между элементами народной славянской мифологии и романтического мировидения остается в повестях Гоголя незримой, хотя именно она определяет строение его мифопоэтики», – к такому заключению приходит Л. А. Софронова в своей работе «Мифопоэтика раннего Гоголя» [2, с. 3].

Особую роль в художественном мире Гоголя играют такие демонологические персонажи, как черти, ведьмы, русалки. В народной культуре они «обладают разной степенью «мифологизации» – одни из них воспринимаются исключительно как демоны (черт, вампир), другие – как люди, наделенные демоническими чертами (колдун, ведьма, кликуша)» [3, с. 51]. Последние, имеющие двойственную природу, особенно привлекают Гоголя. Рассмотрим верность этого утверждения на примере одного из наиболее полно представленных в повестях Гоголя демонологических персонажей – ведьмы. В народной мифологии этот образ также занимает одно из главенствующих мест.

«Ведьма (др. рус. «ведь» – знание) – один из основных персонажей демонологии восточных и западных славян, сочетающий в себе черты реальной женщины и демона» [4, с. 297]. В «Вие» казак так и заявляет: «когда старая баба, то и ведьма» [5, с. 296], полностью подтверждая народные верования, в которых «ведьму представляли себе старой и безобразной, с седыми растрепанными волосами, крючковатым носом, костлявыми руками, иногда с телесными недостатками (горбатость, хромота)» [4, с. 297]. Не искажены по сравнению с присутствующими в народной культуре представления о том что, у ведьмы есть маленький хвостик: «если перекрестившись, плюнуть на самый хвост ей, то и ничего не будет» [5, с. 307]. Дочь сотника панночку все единодушно считают ведьмой. Она меняет свой облик, показываясь то в образе молодой девушки, поразившей Хому Брута своей «страшной» красотой, то в образе старухи. Шепчихе она является собакой, а через мгновение снова превращается в девушку, да только «она была вся синяя, а глаза горели, как уголь» [5, с. 298], т. е. здесь она предстает ожившим мертвецом. Наиболее безобидны ее превращения в скирду сена, кражи трубок и шапок у казаков, отрезанные у девок косы. Куда более ужасен ее вампиризм. Она пьет

кровь младенца на глазах у матери, которая умирает на следующий день. Такие действия приписывались полесской ведьме, карпатской босорке, сербской вештице, которая поедает младенцев и человеческие сердца, может вынуть плод из материнской утробы и съесть его» [6, с. 234]. Оседлав Хому Брута, она гонит его своей бесовской силой, и избавление ему приносят только молитвы и заклятия против духов. Все это подтверждает мысли Хома, что панночка «припустила к себе сатану» [5, с. 303]. В церкви, где Хома читает над умершей молитвы, появляется «несметная сила чудовищ» потустороннего мира, значит покойница «порядочно грехов наделала, что нечистая сила так за нее стоит» [5, с. 305]. В целом, изображенная в повести ведьма полностью соответствует своему описанию в устных народных рассказах. В ведьмепанночке из «Вия» демоническое преобладает над человеческим. Двойственная природа ведьмы из «Майской ночи» очевидна не всем. Сотник ослеплен любовью к своей молодой жене, а его дочь сразу понимает, кто перед ней: ведьма «так страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидевши» [5, с. 45]. Здесь тоже представлены оборотнические способности ведьмы, которая превращается в черную кошку с железными когтями. Черная масть и железные когти – это атрибуты ведьмы в народной культуре. Отрубленная лапа помогает опознать в мачехе ведьму, так как в светлице она появляется на третий день с перевязанной рукой. Ряд превращений ведьмы так же сложен, как и в повести «Вий». После смерти она «оборотилась под водою в одну из утопленниц» [5, с. 46]. Ведьма могла по народным представлениям обитать в воде до Ивана Купалы. Л. Н. Виноградова замечает, что в «южнорусских областях русалки отождествлялись с ведьмами» [6, с. 162]. У Гоголя ведьме не удается полностью уподобиться русалке, и это выдаёт ее. Левко замечает, «что тело ее не так светилось, как у прочих: внутри его виднелось что-то черное» [5, с. 61]. Это еще одно подтверждение того, что черный цвет характеризует существ демонического мира. В ведьме из «Вечера накануне Ивана Купала» едва ли не вовсе отсутствует человеческое. Если в «Вие» и «Майской ночи» двойственность этого персонажа проявляется в том, что и панночка, и молодая жена Сотника связаны с миром обыкновенных людей родственными связями, то в природе «купальской» ведьмы демоническое проявляется с наибольшей силой. Она живет вдали от людей, в Медвежьем овраге, под видом знахарки в избушке «как говорится, на курьих ножках» [5, с. 37], действует в паре с колдуном Басаврюком, который может по силе поспорить с ней, и ярко демонстрирует свои оборотнические

способности: «Большая черная собака выбежала навстречу и с визгом, оборотившись в кошку, кинулась в глаза...» [5, с. 37].

Л. Н. Виноградова отмечает, что «особенно опасными становились ведьмы в большие годовые праздники, в периоды полнолуния или новолуния, в грозные ночи. У восточных славян временем их активности считались ночь на Ивана Купалу, Юрьев день, Благовещение, Пасха, Троица, Рождество» [4, с. 298]. Гоголь помещает ведьму именно в этот временной отрезок потому, что «по народным поверьям в ночь на Ивана Купалу ведьмы собирают волшебные травы и вылетают охранять клады» [7, с. 65]. В обмен на клад ведьма требует от Петра кровавой жертвы и пьет кровь обезглавленного Ивася, т.е. снова проявляется достаточно редкая склонность к вампиризму, присущая и ведьме в «Вие». Но наиболее привлекательным вышел у Гоголя образ ведьмы – Солохи в повести «Ночь перед рождеством». Ее демоническая природа не так агрессивна, как у остальных. Она не проявляет склонности к вампиризму и не покидает человеческого обличья, хотя ходят слухи, что «Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у нее сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она еще в позапрошлый четверг черною кошкою перебежала дорогу; что к попадье раз прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад» [5, с. 85]. Она любвеобильна, хотя не так молода и хороша собою, «однако ж она умела причаровать к себе самых степенных казаков» [5, с. 85]. Приветливее всего была Солоха с казаком Чубом, что не мешало ей принимать ухаживания даже черта. Мать кузнеца Вакулы, она не выказывает горячей любви к сыну, но и не проявляет своих потусторонних свойств в отношении него. Ее демонические черты проявляются в том, что она действует заодно с чертом, похищая звезды с неба. «Кража звезд с неба приписывается ведьмам и чернокнижникам» [8, с. 294]. Проявлением ее двойственной природы является эпизод в хлеву, где Солоха доит чужих коров. Способность портить скот и отбирать у коров молоко по народным поверьям считалась едва ли не главным вредным свойством: «С этой целью ведьма собирала росу на межах и пастбищах, волоча по траве полотно (фартук, платок, сорочку, цедилку, вожжи), затем выжимала ткань и поила водой свою корову или просто вешала намокшую ткань дома, и с нее обильно текло молоко» [4, с. 299]. Подобный эпизод присутствует в повести. Пастух Тымиш Коростявый видел, что «ведьма, с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевеливаться, так был околдован» [5, с. 85]. Но односельчане

ставят рассказ пастуха под сомнение, «потому что один только сорочинский заседатель может увидеть ведьму» [5, с. 85]. Здесь Гоголь обращается к наиболее характерной особенности всего круга поверий о ведьмах – стремлению распознать ее, выследить, уличить. Этой цели были подчинены многие ритуалы. Например, «старались подкараулить ведьму в хлеву, куда она пыталась проникнуть в облике жабы или какого-либо животного. Обнаружив возле коровы лягушку, хозяева пробивали ей лапу или глаз, и на следующий день оказывалось, что одна из соседок ходит с перевязанной рукой, хромает или окривела – ее и считали ведьмой» [4, с. 302]. Мы встречались с этим в «Майской ночи». Считалось также, что ведьм притягивает церковная служба (особенно пасхальная и рождественская). Солоха посещает церковь, но ведет себя там легкомысленно, перемигиваясь с дьяком, и неясно: тянет ее туда демоническая природа или желание очаровывать казаков. Солоха, кокетка и модница, стремится устроить свое женское счастье с Чубом, хозяйство которого ей приглянулось, и не использует при этом никаких колдовских способностей, ведет себя как обычная женщина. Гоголь развил ее человеческие черты, тогда как у других его ведьм они сведены к минимуму. Солоха стоит особняком в ряду ведьм из ранних повестей Гоголя.

Итак, создавая образы ведьм в своих ранних повестях, автор прямо следует народной мифологии, не искажая народных рассказов о сверхъестественном. Противопоставляя их человеческие и демонические черты, Гоголь заставляет своих персонажей балансировать на грани мифологического и реального, в полной мере проявляя свою двойственность, способность существовать в романтическом «двоемирии». Кто-то, как Солоха, отклоняется в сторону человеческого, другие более демоничны, что не нарушает зыбкость границы и ослабляет напряженность противостояния двух миров.

Список использованных источников

- 1 Белый, А. Мастерство Гоголя / А. Белый. – М.: 1996. – 324 с.
- 2 Софронова, Л. А. Мифопоэтика раннего Гоголя / Л. А. Софронова // Славяноведение. – 2009. – № 6. – С.3–14.
- 3 Левкиевская, Е. Е. Демонология народная / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995–1999. – Т. 2. – 1999. – 702 с.
- 4 Виноградова, Л. Н. Ведьма // Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ.

ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995–1999. – Т. 1. – 1995. – 577 с.

5 Гоголь, Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Н. В. Гоголь. – Минск: Народная асвета, 1980. – 351 с.

6 Виноградова, Л. Н. Народная демонология в мифо-ритуальной традиции славян / Л. Н. Виноградова. – М.: Индрик, 2000. – 432 с.

7 Власова, М. Русские суеверия: энциклопед. словарь / М. Власова. – Спб.: Азбука, 2000. – 672 с.

8 Плотникова, А. А Звезды / А. А. Плотникова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995–1999. – Т. 2. – 1999. – 702 с.

УДК 821.161.1-32:159.963.2

О. Л. Северинова

Научн. рук. – Н. А. Дробышевская, ассистент

ПОЭТИКА СНА В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ

М. А. БУЛГАКОВА «ЗАПИСКИ ЮНОГО ВРАЧА»

Работа посвящена исследованию сновидения как онтологической структуры художественного мира цикла рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача». Цель работы состоит в выявлении онирических элементов, соотнесении их с художественным целым цикла. Особое внимание уделяется словесному строению рассказов: онирической стилистике и пунктуации, что формирует научную новизну исследования. Сновиденческое стилеобразующее начало становится основой ирреальности цикла. Словесное строение является доминантой, оно создает и организует образную онирическую систему рассказов.

Рассказы цикла «Записки юного врача» впервые увидели свет в 1925 – 1926 гг. То, что перед нами цикл, не вызывает никаких сомнений и легко подтверждается наличием общего главного героя, единой темой и идеей, рядом мотивов, выполняющих функцию невидимой паутины, на нитях которой формируется целый художественный мир со своеобразным булгаковским стилевым началом. Автор есть творец, и его творение словесно, хотя и не ограничивается рамками слова, буквы, выступающей в качестве материала. Применительно к прозе М. А. Булгакова это безошибочное утверждение, здесь даже неискушенный читатель, т. н. обыватель,